

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque
DER FUNKE LEBEN

Перевод с немецкого *М. Рудницкого*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения
The Estate of the late Paulette Remarque
и литературных агентств Mohrbooks AG Literary Agency
и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Искра жизни : [роман] / Эрих Мария Ремарк ;
[пер. с нем. М. Рудницкого]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-118751-4

Конец войны. Германия. Концлагерь вблизи вымыш-
ленного города Меллерн.

Большинство пленников отказываются от надежды
когда-нибудь оказаться на свободе.

Но есть те, кто еще верит в спасение. И это дает им силы
жить и мечтать о будущем. Ведь пока в них теплится искра
жизни, они чувствуют себя людьми...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© The Estate of the late Paulette
Remarque, 1952, 1954, 1956
© Перевод. М. Рудницкий, 2012
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-118751-4

I

Скелет номер 509 медленно приподнял голову и открыл глаза. Он не знал, что с ним было — обморок или просто заснул. Между сном и обмороком давно уже почти не было разницы, голод и истощение стерли эту грань. Сон ли, обморок ли — всякий раз тебя засасывала черная болотная муть, откуда, казалось, возврата уже нет.

Какое-то время пятьсот девятый лежал тихо — он прислушивался. Это было старое лагерное правило: покуда ты не движешься, остается надежда, что тебя не заметят или сочтут мертвецом, ведь никогда нельзя знать, с какой стороны грозит опасность; старый как мир закон природы, известный любой букашке.

Но ничего подозрительного он не услышал. Часовые на пулеметных вышках замерли в полусонной неподвижности, да и за спиной вроде бы тихо. Он осторожно повернул голову и посмотрел назад.

Концентрационной лагерь Меллерн мирно нежил-ся на солнышке. Просторный лагерный плац-линейка, прозванный весельчаками из СС танцплощадкой, был почти безлюден. Только справа от главных ворот на четырех мощных деревянных столбах висели четверо арестантов. Руки им связали за спиной и так, за руки, вздернули, чтобы ноги не касались земли. Плечевые суставы у всех, понятное дело, были вывернуты.

Теперь два кочегара из крематория, соревнуясь друг с другом в меткости, швырялись в них из окна кусочками угля, но ни один из четверых даже не дернулся. Они висели уже полчаса и давно были без сознания.

Барак рабочего лагеря в этот час пустовали — бригады с внешних работ еще не вернулись. Лишь кое-где шмыгали по зоне редкие дневальные. Слева от огромных главных ворот перед штрафным изолятором сидел шарфюрер СС Бройер. Он приказал вынести на солнышко круглый столик и плетеное кресло и теперь пил кофе. Весной 1945 года настоящий, в зернах, кофе — это была большая редкость; но Бройер только что собственноручно придушил двух жидов, которые вот уже полтора месяца отравляли в шизо воздух, и считал, что столь благое дело заслуживает вознаграждения. А тут еще повар прислал ему с кухни вместе с чашечкой кофе кусок ватрушки на блюдечке. Бройер жевал ватрушку медленно, с чувством — особенно любил он изюм без косточек, которого на сей раз попало в начинку очень много. Тот из жидов, что постарше, не доставил ему почти никакого удовольствия; зато другой, помоложе, оказался ничего, цепкий парень — этот довольно долго брыкался и хрипел. Бройер сонно ухмылялся, прислушиваясь к размытым руладам лагерного оркестра, что репетировал вдалеке, за теплицами садоводства. Оркестр играл вальс «Розы с юга» — любимую вещь коменданта лагеря, оберштурмбаннфюрера Нойбауэра.

Пятьсот девятый лежал в противоположном конце зоны, там, где жались друг к другу деревянные бараки, отрезанные от большого, Рабочего лагеря забором из колючей проволоки. Называлась эта горстка барачков Малым лагерем. Сюда определяли заключенных, которые слишком ослабли и работать уже не могли. И тогда их посылали сюда умирать. Почти все умирали очень

быстро, но пополнение поступало быстрее, до того, как вымирала предыдущая партия, так что бараки постоянно были забиты до отказа. Зачастую умирающие лежали друг на друге штабелями даже в коридорах, а то и вовсе выползали подышать на улицу. Газовых камер в Меллерне не было. Комендант этим обстоятельством особенно гордился. Он с удовольствием повторял — у них, в Меллерне, умирают только естественной смертью. Официально Малый лагерь считался, да и назывался, отделением щадящего режима, но на самом деле организмы лишь очень немногих арестантов способны были сопротивляться этому щадящему режиму дольше одной-двух недель. А из этих немногих образовалась еще одна, небольшая, но особенно стойкая группа, что осела в двадцать втором бараке. Эти — собрав последние остатки юмора висельников — вообще именовали себя ветеранами. Среди них был и пятьсот девятый. Его перевели в Малый лагерь четыре месяца назад, и ему самому казалось чудом, что он все еще жив.

Из труб крематория валил черный дым. Ветром его прижимало к земле, ленивые клубы почти задевали крыши бараков. Запах у дыма был жирный, сладковатый и вызывал тошноту. Даже за свои десять лагерных лет пятьсот девятый так и не сумел к этому запаху привыкнуть. Сегодня в этом дыму проплыли и останки двух ветеранов — часовщика Яна Сибельского и университетского профессора Йоэля Бухсбаума. Оба умерли в двадцать втором бараке и в полдень были доставлены в крематорий — Бухсбаум, впрочем, не совсем в полном комплекте: недоставало трех пальцев, семнадцати зубов, ногтей на пальцах ног и части полового члена. Недостача образовалась в процессе перевоспитания Бухсбаума из отщепенца и выроodka в пригодный общественный элемент. Причем история с половым

членом долго была предметом особого веселья на вечеринках и культурных мероприятиях в клубе СС. Это была идея шарфюрера Гюнтера Штайнбрэннера, который совсем недавно был откомандирован в лагерь. Как все замечательные идеи, она была проста: впрыскивается концентрированный раствор соляной кислоты, и все дела. Придумкой этой Штайнбрэннер сразу же завоевал авторитет среди товарищей.

Был погожий мартовский денек, и солнце уже слегка пригревало, но пятьсот девятый все равно мерз, хотя поверх своих одежек надел шмотки еще троих товарищей — пиджак Йозефа Бухера, пальто старьевщика Лебенталья и драный свитер Йоэля Бухсбаума, который барак чудом успел спасти прежде, чем труп отправили в крематорий. Но когда росту в тебе метр семьдесят восемь, а весу меньше тридцати пяти кило, тебя не угреют даже самые пушистые меха.

Пятьсот девятый имел право полчаса понежиться на солнышке. Потом надо было вернуться в барак, отдать одолженные одежки и свою робу в придачу следующему заключенному, и так далее. Распорядок этот ветераны завели с тех пор, как кончились холода. Некоторые, правда, уже не хотели выползать на улицу. Слишком они были истощены и после всех мучений зимы желали лишь одного — чтобы им дали спокойно умереть в бараке; но Бергер, их староста, настоял на том, чтобы всякий, кто еще способен хотя бы ползать, какое-то время проводил на свежем воздухе. Сейчас была очередь Вестхофа, за ним шел Бухер. Лебенталь отказался, у него было дело посущественней.

Пятьсот девятый снова оглянулся. Лагерь расположен на возвышенности, сквозь колючую проволоку весь город виден как на ладони. Город распластал-

ся в долине, много ниже лагеря — над толкотней его крыш гордо вздымаются башни церковных колоколен. Город старый, даже древний, с множеством церквей, крепостными валами, липовыми аллеями и петляющими переулками. На севере раскинулись новые кварталы, там улицы пошире, вокзал, доходные дома, фабрики, а еще медеплавильные и сталеплавильные заводы, где, кстати, тоже работают бригады из их лагеря. Широкой ленивой дугой через город протянулась река, и в ее сонных водах отражаются облака и мосты.

Пятьсот девятый уронил голову на грудь. Он не мог все время держать ее прямо. Черепушка казалась чугунной, а мускулы шеи давно иссохли, превратившись в ниточки, — к тому же вид дымящихся труб там, в долине, только усиливает и без того лютый голод. Голод не только в желудке, а как бы в голове, в мозгу. Желудок-то давно к голодухе притерпелся и, похоже, ни на какие другие ощущения, кроме тупой и равномерной голодной боли, давно не способен. А вот голод в мозгу — он куда страшней. Он пробуждает галлюцинации и вообще неутолим. Он прогрызается даже в сны. Зимой пятьсот девятому понадобилось три месяца, чтобы избавиться от навязчивого видения жареной картошки. Да если б только видения — запах ее чудился ему повсюду, даже в парашной вони. А теперь вот шкварки. Яичница с салом.

Он глянул на никелевые часы, что лежали подле него на земле. Часы ему дал с собой Лебенталь. Это была едва ли не самая большая ценность барака; когда-то, много лет назад, часы эти протащил в зону поляк Юлиус Зильбер, сам давно уже покойник. Пятьсот девятый видел — ему осталось еще десять минут, но все равно решил ползти обратно к барaku. Он боялся ненароком снова заснуть. Страшно засыпать, когда неизвестно,

проснешься ли снова. Он еще раз пристально ощущал взглядом главную лагерную аллею. Но и теперь не углядел никаких признаков опасности. По правде сказать, ничего особенно страшного он сейчас и не ожидал. Скорее это была обычная предосторожность старого лагерного волка, чем взаправдашний страх. Из-за дизентерии лагерь был на некоем подобии карантина, и люди из СС заглядывали сюда редко. А кроме того, в последние годы контроль за лагерной дисциплиной был уже совсем не тот, что прежде. Война все больше чувствовалась и тут: многих эсэсовцев, все геройства которых прежде сводились лишь к тому, чтобы мучить и убивать безоружных узников, наконец-то отправили на передовую. Теперь, весной сорок пятого, в лагере насчитывалась лишь треть прежнего состава войск СС. Весь внутренний распорядок давно уже почти целиком контролировался силами самих арестантов. В каждом бараке имелся свой староста и несколько палатных старост; бригады подчинялись бригадирам и десятникам, а весь лагерь — старосте лагеря. И все они были заключенными. Правда, их контролировало лагерное руководство: комендатура лагеря, надзиратели блоков, командиры колонн — это все, конечно, были эсэсовские чины. Вначале лагерь предназначался только для политических, но с течением лет сюда из переполненных тюрем города и окрестностей нагнали и толпы обыкновенных уголовников. Политические и уголовники различались цветом матерчатых треугольных лычков, нашитых на одежду рядом с лагерной меткой. У политических треугольники были красные, у уголовников — зеленые. Евреям обязательно нашивался еще один треугольник, желтый, так что в сумме оба треугольника давали звезду Давида.

Пятьсот девятый прихватил пальто Лебенталя и пиджак Йозефа Бухера, набросил их себе на спину и мед-

ленно пополз назад к барраку. Он чувствовал, что устал больше обычного. Даже ползти — и то трудно. Уже после первого десятка метров земля под ним поплыла и завертелась. Он остановился, смежил веки и сделал глубокий вдох, чтобы собраться с силами. В тот же миг в городе завывли сирены.

Сперва только две. Несколько секунд спустя их панический вопль подхватили другие, а вскоре уже казалось, что весь город там, внизу, надрывается от крика. Рев стоял над крышами и улочками, несся с башен и фабричных труб; город раскинулся под солнцем беззащитный и, казалось, совершенно неподвижный, он только кричал, как парализованный зверь, который видит свою смерть, а убежать не в силах, — орал всеми глотками своих сирен и гудков, устремляя истошный вопль в бестревожную тишину неба.

Пятьсот девятый мгновенно вжался в землю. Находиться за пределами барака во время воздушной тревоги категорически запрещено. Он мог бы попытаться встать и побежать, но больно уж он ослаб для такой пробежки, а до барака слишком далеко; пока он будет этак перемещаться, кто-нибудь из часовых, особенно если новенький да нервный, еще, чего доброго, пальнет в него с перепугу. Поэтому он как можно быстрее пополз назад, пока не добрался до неглубокой выемки в почве, нырнул в нее и накрылся всеми своими одежками. Теперь он выглядит просто как свалившийся замертво арестант. Такое случается сплошь и рядом и никаких подозрений не вызывает. Да и тревога наверняка продлится недолго. В последние месяцы тревогу объявляли чуть ли не через день, но все попусту. Самолеты неизменно пролетали над городом, не причинив ему никакого вреда, и улетали дальше — на Ганновер и Берлин.

Теперь в общий вой включились и лагерные сирены. Потом, некоторое время спустя, послышался второй, куда более грозный сигнал тревоги. Это был мерный, но какой-то зыбкий, наплывающий гул, словно тысячи грампластинок крутились под тупыми иглами гигантских патефонов. К городу приближались самолеты. Пятьсот девятый и это уже слышал. Его это совершенно не волнует. Вот если часовой на ближайшей пулеметной вышке вдруг заметит, что он не мертвец, — это действительно страшно. А все, что за колючей проволокой, за зоной, его не касается.

Дышать было тяжело. Душный воздух под пальто превращался в черную вату, которая наваливалась на него все плотней и плотней. Он тут, в этой выемке, как в могиле — постепенно ему и впрямь стало казаться, что он лежит в могиле и уже никогда не встанет, на сей раз это точно конец; он так и останется тут лежать, так и помрет, все-таки сломленный слабостью, с которой столько лет боролся. Он попробовал было сопротивляться, но сил не было, он только еще отчетливее ощутил какое-то странное, покорное ожидание, разлившееся вдруг по всему телу, впрочем, не только по телу, но и повсюду вокруг — казалось, все в мире замерло и ждет чего-то; замер город, воздух, даже дневной свет. Так бывает в самом начале солнечного затмения, когда все краски вдруг подергиваются свинцовым налетом, а в воздухе замирает нарастающее предчувствие бессолнечного, мертвого мира, некий вакуум, некая бездыханность ожидания и страха: ну что, в этот раз пронесет — или уже конец?

Первый удар был не особенно силен, но раздался внезапно. К тому же пришелся он с той стороны, которая казалась самой защищенной. Пятьсот девятый вдруг ощутил очень резкий толчок под дых откуда-то

снизу, из-под земли. В тот же миг мощное гудение над головой прорезал свербящий стальной визг, стремительно и с истощным подвыванием нараставший — похожий на вой сирены, и все-таки совсем другой. Пятьсот девятый не знал в точности, что было раньше — удар из-под земли или этот визг и последующий треск, но он точно знал, что во время предыдущих воздушных тревог ничего подобного не было, а когда все это повторилось еще раз, отчетливей и сильнее, и снова снизу и сверху, он уже понял, что это такое: самолеты впервые не пролетели мимо. Они бомбят город.

Земля снова содрогнулась. Пятьсот девятому казалось, будто кто-то из-под земли тычет ему в живот здоровенной резиновой дубинкой. Он вдруг понял, что голова у него совершенно ясная. Смертельная усталость вмиг куда-то улетучилась. Каждый толчок из-под земли, казалось, сотрясает его сознание. Какое-то время он еще лежал неподвижно, а потом почти безотчетно рука его потянулась вперед и осторожно приподняла край пальто над головой, чтобы в образовавшуюся щель можно было увидеть город.

Там как раз в этот миг невероятно медленно, как игрушечный, раскололся на части и взлетел на воздух городской вокзал. Было что-то почти грациозное в той легкости, с которой взмыл ввысь золоченый вокзальный купол и, проплыв над деревьями городского парка, где-то за ними ухнул вниз. Казалось, тяжелые взрывы тут вовсе ни при чем — так медленно и красиво все произошло, а хлопки зениток тонули в них, как тьяканье терьера в басовитом лае огромного дога. После следующего подземного толчка начала крениться одна из башен церкви Святой Катарины. Она тоже падала очень медленно и как-то по-домашнему, еще по пути

разваливаясь на куски и кусочки, будто все это не на самом деле, а замедленная киносъемка.

Теперь между домами стали вырастать грибки и фонтаны черного дыма. Пятьсот девятый все еще не мог осознать происходящего; казалось, великаны-невидимки решили там, внизу, позабавиться, вот и все. В уцелевших городских кварталах из труб все так же мирно курился дымок, в реке, как прежде, отражались облака, а разрывы зенитных снарядов украсили небо уютными барашками, словно это не небо вовсе, а старая, изветшавшая подушка, из которой лезут во все стороны сероватые хлопья ваты.

Одна из бомб разорвалась далеко в стороне от города, в полях, что пологим склоном поднимались к лагерю. Но пятьсот девятый и тут не почувствовал страха, слишком далеко все это от тесного мира зоны, который только и составлял его жизнь. Бояться можно горячей сигареты, когда тебе тычут ею в глаз или мошонку, долгих недель в голодном карцере, этом каменном гробу, где ни встать, ни лечь; бояться надо козел, именуемых еще кобылой, на них тебе враз отшибают почки, или камеры пыток в левом крыле, что у главных ворот, бояться надо Штайнбрэннера, Бройера, замкоменданта Вебера, но даже эти страхи как-то поблекли и отдалились с тех пор, как его сбагрили в Малый лагерь. Да, если хочешь сберечь силы и выжить, надо уметь забывать. К тому же за десять лет существования отлаженный механизм концлагеря Меллерн все-таки подустал и разболтался, — ведь даже новоиспеченному, идеологически выдержанному и фанатично преданному идеалам эсэсовцу со временем прискучивает истязать скелеты. Они недолго выдерживают, да и реагируют как-то вяло. Вот когда с этапом поступает новое, свежее, крепкое пополнение, былой патриотический

пыл, бывает, иногда еще разгорится с прежней силой. Тогда по ночам снова оглашают округу до боли знакомые вопли, да и личный состав выглядит как-то пободрей, словно после хорошей порции свиной поджарки с картошкой и красной капустой. Однако в целом за годы войны немецкие концлагеря стали, пожалуй, даже гуманными. Теперь людей здесь почти не мучили — всего лишь травили в газовых камерах, забивали насмерть, расстреливали или измочаливали на тяжелых работах, а потом морили голодом. А если иной раз и сжигали кого в крематории заживо, так это не по злому умыслу, а скорее по недосмотру, от переработки, а еще потому, что иные из этих скелетов очень уж не любят двигаться. Да и случалось это только тогда, когда посредством массовой ликвидации срочно требовалось подготовить место для нового эшелона. Кстати, в Меллерне не слишком рьяно морили голодом тех, кто не в силах больше работать; кое-какую еду в Малый лагерь все же подбрасывали, и ветераны вроде пятьсот девятого так к этому скудному рациону приспособились, что по части выживания били теперь все рекорды.

Бомбардировка внезапно прекратилась. Только зенитки все еще бесновались и тьякали. Пятьсот девятый еще чуть-чуть приподнял край пальто, чтобы увидеть ближайшую пулеметную вышку. На ее площадке было пусто. Он посмотрел направо, потом налево. Все вышки красовались без часовых. Охранники попросту сбежали и попрятались, благо рядом с казармой у них отличное бомбоубежище. Пятьсот девятый совсем сбросил с себя пальто и еще поближе подполз к колючей проволоке. Здесь он оперся на локти и стал внимательно разглядывать, что творится в долине.

Город теперь горел повсюду. То, что прежде выглядело почти игрой, обернулось наконец своей истинной сущностью — огнем и разрушением. Дым, словно огромный моллюск уничтожения, желтовато-черной массой подминал под себя улицы и пожирал дома. Сквозь него тут и там прорывались язычки пламени. Там, где был вокзал, гигантским снопом вздымались к небу искры. Обломок башни церкви Святой Катарины вспыхнул разом, и языки пламени полыхнули над ним, как блеклые молнии. А над всем этим, словно ничего не случилось, беззаботно сияло солнце в своем золотистом нимбе, и было что-то почти призрачное в этом зрелище, в том, что по голубому небу с прежней безмятежностью плывут веселые белые облачка, что леса и лесистые гряды холмов спокойно и безучастно застыли вокруг в весенней мартовской дымке, — словно только город, он один, осужден суровым приговором неведомого и неподкупного судии.

Пятьсот девятый, как замороженный, смотрел вниз. Смотрел во все глаза, забыв о всякой осторожности. Он видел этот город всегда только отсюда, из-за колючей проволоки, он никогда в нем не был; но за десять лет, что он провел в лагере, город стал для него чем-то гораздо большим, чем просто городом.

Поначалу это был почти непереносимый образ утраченной свободы. Изо дня в день глядел он туда, вниз, на город — смотрел на его беззаботную суету, когда после так называемой специальной обработки, проведенной начальником режима Вебером, еле мог доползти до своего барака; смотрел на его дома и церкви, когда с вывихнутыми плечами висел на столбе; смотрел на белые барки на его реке и на автомобили, что бодро торопились на природу, навстречу весне, по его дорогам,

когда мочился кровью из отбитых почек; смотрел до рези в глазах, до одурения, смотрел, хотя смотреть на него было мукой, еще одной пыткой вдобавок ко всем другим лагерным истязаниям.

Потом он начал этот город ненавидеть. Время шло, утекало, а там, внизу, ничто не менялось, невзирая на все, что творилось тут, наверху. Дым от его кухонных очагов каждый день беззаботно курился к небу, ничуть не пугаясь жирной копоти из труб крематория; на его спортплощадках, в его парках царило веселое оживление, хотя в те же самые часы сотни измученных человеческих тварей отдавали Богу душу на лагерном плацу; каждое лето вереницы бодрых отпускников устремлялись из него в походы и странствия по окрестным лесам, когда колонны заключенных понуро брели с каменистыми холмами, волоча за собой умерших и пристреленных товарищей; он ненавидел этот город за то, что его жителям нет никакого дела ни до него, ни до других арестантов.

А потом в один прекрасный день угадала и ненависть. Борьба за корочку хлеба стала важнее всего на свете, а вместе с этим пришло и познание, что ненависть и память способны разрушать и без того надломленную психику точно так же, как и боль. Пятьсот девятый научился отгораживаться от всего лишнего, все забывать и ни о чем не заботиться, кроме наинасущнейших нужд ближайшего часа. Город стал ему безразличен, а его неизменный вид сделался лишь еще одним мрачным подтверждением неизменности и его, пятьсот девятого, безысходной участи.

И вот теперь город горел. Пятьсот девятый почувствовал — у него дрожат руки. Он попытался подавить дрожь, но не сумел, наоборот, она усиливалась. Каза-